

Хроника

Марина Вольф, Евгений Афонасин

Новосибирское антиковедение: страницы истории,
исследовательские подходы и перспективы

MARINA VOLF, EUGENE AFONASIN
CLASSICAL STUDIES IN NOVOSIBIRSK:

A HISTORICAL OUTLINE, SCIENTIFIC APPROACHES AND PERSPECTIVES

ABSTRACT. In this article we would like, on the one hand, to briefly describe the history of formation of the team of classical scholars of Novosibirsk Akademgorodok, and, on the other hand, to dwell in more detail on the directions of research developed by this team. First of all, it seems to us that philosophy in Antiquity is a very interdisciplinary subject, which means that in the study of Platonism we should not neglect the possibility of comparing archaeological data with written evidence. Further, we see that Platonism is not limited to the study of Plato's great dialogues and the works of Plotinus and the Neoplatonists. A study of the "inner history" of the Platonic tradition, from the ancient Academy to late-antique Neoplatonism, sheds a great deal of light. Finally, we believe that Plato's philosophy can gain a contemporary resonance through an analytical approach. The phrase once formulated by Whitehead, which has long since become clichéd, that all Western philosophy is a commentary on Plato, turns out to be quite true in the case of these very approaches. Platonic studies have traditionally been and remain a strong area of Russian historical and philosophical research. We hope that in the near future a new translation project of the Russian Platonic Society will be successfully developed, and that interesting and varied works devoted to the great philosophical tradition, of which we are all a part, will appear.

KEYWORDS: Platonism, ancient philosophical tradition, contemporary approaches, Russian classical studies.

© М.Н. Вольф (Новосибирск). rina.volf@gmail.com. Институт философии и права СО РАН. Новосибирский государственный университет.

© Е.В. Афонасин (Новосибирск). afonasin@gmail.com. Институт философии и права СО РАН. Новосибирский государственный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 15.2 (2021)

DOI: 10.25985/PI.15.2.12

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 20-411-540002.

Платоноведение в России имеет давнюю и солидную историю. Опубликованная недавно статья о рецепции платонизма в России (Светлов, Протопопова 2020) безусловно является резонансным вкладом в историю российской гуманитарной науки и в историю российского платонизма. В ней подробно разбираются особенности отдельных подходов к изучению платонизма, от получившего в недавнее время серьезный резонанс институционального (Шичалин 2000) и до активно развиваемого в последние годы драматического (Протопопова 2012 и 2014)¹. В заключение авторы выражают надежду, что в отечественном антиковедении получат развитие и другие подходы, что сделает диалог между отдельными исследователями и школами более продуктивным. И действительно, нам кажется, что уже сейчас наше исследовательское поле представлено целым рядом других направлений и подходов, которые представлены по преимуществу в региональных исследованиях платонизма и в статье не получили достаточного освещения, хотя в мировом тренде они являются вполне востребованными. Речь идет об исследованиях платонизма коллективом новосибирских антиковедов, и в настоящей статье мы хотели бы, с одной стороны, кратко осветить историю формирования коллектива, а с другой — более подробно остановиться на направлениях исследований, этим коллективом развиваемых.

I

Когда в 1957 г. в Новосибирске было образовано Сибирское отделение Академии наук СССР (СО АН СССР) и начинал строиться Новосибирский Академгородок, или Новосибирский научный центр (ННЦ), в первых постановлениях о структуре Сибирского отделения развитие гуманитарных наук не предусматривалось. Гуманитарные и общественные науки оформляются в ННЦ несколько позже, к 1970 г., когда формируется отдел философии

¹ Не прекращается и дискуссия о неписаном учении Платона (Мочалова 2016), а также, что особенно важно, начата работа по формированию новых переводов платоновского корпуса (Шичалин 2017, Светлов 2019, Протопопова 2019).

Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск), хотя кафедра философии и научного коммунизма Новосибирского государственного университета была организована почти сразу. К преобладающей тематике, связанной с философией науки, логикой и методологией науки, а также социологией науки, в 1970-е годы добавляется аналитическая философия. С одной стороны, она являлась мейнстримом западной философии 1960–1970 гг., но с другой стороны, согласно крайне распространенному эпитету тех лет, она была буржуазной философией, не вызывающей доверия партийного руководства. Тем не менее знаменитый дух открытой инициативы и свободы суждений Академгородка предоставил все достаточные и необходимые условия для реализации аналитического проекта. Именно аналитическая философия со временем станет визитной карточкой не только философов, но и ряда историков философии Академгородка и в целом сибирской философии.

История философии в Новосибирском Академгородке прочно связана с именем Василия Павловича Горана, который после защиты диссертации в МГУ в 1978 г. возвращается в Академгородок и работает в качестве научного сотрудника в Институте истории, филологии и философии. Спустя некоторое время он защищает докторскую диссертацию в Санкт-Петербурге (Берестов, Горан 2007). С московской и санкт-петербургской школой философии связаны работы и других будущих сотрудников Института, выпускника аспирантуры МГУ Е. В. Орлова и Е. В. Афонасина (защитившего диссертацию, соответственно, в Институте философии РАН и СПбГУ). С ними в сибирскую философию будут привнесены специфические черты и подходы московской и санкт-петербургской историко-философских традиций, с их вниманием, с одной стороны, к филологическим и контекстуальным методам исследования, дополняемых, с другой стороны, значительным вниманием к античному культурному и историческому контексту. Значительное влияние на формирование исследовательской проблематики новосибирских историков философии оказа-

ла и Санкт-Петербургская византистика. С этого момента антиковедение в Новосибирском Академгородке не только появляется — оно начинает движение по собственному руслу.

В 1993 г. в НГУ по инициативе В. В. Целищева при поддержке ректора Ю. Л. Ершова удалось организовать первую в России философскую магистратуру, выпускники которой продолжили обучение в историко-философской аспирантуре ИФПР СО РАН, избрав специализацию по античной философии. Можно предложить несколько объяснений такому всплеску интереса к истории философии и антиковедению. Первая половина 1990-х годов вообще характеризуется повсеместным подъемом гуманитарных наук. Открываются новые гуманитарные институты и университеты, появляются новые факультеты и программы. Идеологическая стена, которая существенно ограничивала не только выбор тематики, но и подходы к обсуждению различных тем в гуманитаристике, рухнула, идеология осталась в прошлом, а в образовавшийся на ее месте вакуум хлынула лавина новой информации, лишенной сделавшихся привычными за более чем полувековой период купюр и редактур. Темы, ранее запрещенные или обсуждаемые в крайне ограниченном контексте и в узком кругу исследователей, получают новую жизнь и оказываются крайне востребованным материалом для исследований. Прежде всего это весь блок идей и тематик «идеалистической» направленности, который в течение долгих лет существования советской марксистской «материалистической» науки оставался фактически под запретом, религиозные исследования, культурология в самом широком, не сводимом к искусствоведению, ее понимании. Отсюда такой резкий подъем интереса к идеализму и теологическим вопросам, а вместе с ними и к их истокам — началу христианства, поздней античности и, разумеется, платонизму.

Особенность становления философских дисциплин в Академгородке определила и специфику его антиковедческих исследований. В Новосибирском Академгородке в философской среде, как уже было сказано, доминировали аналитическая философия, фи-

лософия науки, логика и методология науки, и, соответственно, выпускники философской магистратуры НГУ, прошедшие такую школу, нередко склонялись в сторону трактовок истории философии как части самой философии (о чем подробнее см. ниже), предпочитая аналитический и формальный подход скрупулезной работе по комментированию источников.

Молодое сообщество философов-антиковедов Новосибирского Академгородка институционализируется в 2006 г. как «Центр изучения древней философии и классической традиции», который позволил, хотя бы неформально, объединить усилия антиковедов, работающих в смежных областях, таких как филология, право, культурология, однако в своих исследованиях ориентирующихся на философскую проблематику. Отсюда философское антиковедение. Преимущество такой междисциплинарной институционализации заключается еще и в том, что студенты разных факультетов, чей интерес лежит именно в области антиковедения, могут включаться в работу со специалистами, не покидая стен *alma mater* даже в том случае, если их профильное образование не предполагает подготовки по античной традиции (Афонасин 2009). Центр получает свой сайт (classics.nsu.ru), где представлены персональные страницы всех новосибирских ученых, занимающихся исследованиями античной проблематики и принявшими приглашение присоединиться к Центру, гостей и друзей, а также публикации и учебные материалы сотрудников Центра, анонсы текущих программ и конференций, т.е. вся актуальная информация о его работе.

Через год, в марте 2007 г. Е. В. Афонасин инициирует создание международного журнала «ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция», посвященного изучению философской традиции и истории античной науки. Журнал становится не просто профильным антиковедческим журналом наряду с хорошо известным «Вестником древней истории», но и фактически единственным на тот момент в России журналом по античной философии и науке. Журнал быстро получает междуна-

родное признание, заняв достойное место среди специализированных изданий для антиковедов, появившихся в РФ в последние годы².

Со временем «Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ» стал значимой интеграционной площадкой для российских антиковедов, на которой прошло несколько важных для развития российского антиковедения междисциплинарных семинаров и конференций. При поддержке «Института Открытое общество» прошли два междисциплинарных семинара: «Преподавая античность» (2007–2010) и «Τέχνη: Теоретические основания искусств, наук и технологии в греко-римском мире» (2010–2013)³.

Благодаря давним контактам с Санкт-Петербургским платоновским философским обществом, начиная с 2000 гг. платонизм и его наследие является одной из доминантных тем исследований новосибирских историков философии, но она также имеет свою специфику. Из многогранной философии Платона и его обширного и разнообразного наследия, связанного с Академией, особое внимание антиковеды Новосибирского Академгородка уделили теории познания Платона (М. Н. Вольф, И. В. Берестов, А. В. Елашкина), его отношению к математике (А. И. Щетников), истории Академии (Е. В. Афонасин, В. В. Бровкин, В. П. Горан, А. А. Санженаков). Наряду с исследованием персоналий и их философского наследия, ряд работ посвящен самой Академии как

² Здесь можно упомянуть такие издания, как «Аристей: Вестник классической филологии и античной истории» (редактор — А. В. Подосинов, издается с 2010 г.), «Платоновские исследования» (редактор — И. А. Протопопова, издается с 2014 г.), «Nurothekai. Журнал научных статей по истории античной педагогической культуры» (редактор — В. К. Пичугина, издается с 2017 г.) и, наконец, издающийся с 2021 г. журнал «Παιδεία: исследования по философским и теологическим проблемам образования» (редактор — Р. В. Светлов).

³ Помимо семинаров Центр организует ряд международных и всероссийских конференций, школ и круглых столов, за годы работы Центра Новосибирск посетили многие ведущие российские и западные ученые с мировым именем и сложились прочные связи с другими российскими и западными центрами, изучающими античную традицию.

общественному и исследовательскому институту, а также археологическим изысканиям, связанным со зданием Академии и другими философскими домами в Афинах (А. С. Афонасина). В истории и философии неоплатонизма из персоналий основной фокус был направлен на учения Плотина, Ямвлиха, Прокла и Дамаския (Е. В. Афонасин, И. В. Берестов)⁴. Нам представляется, что эти работы оказались возможными благодаря оформлению собственных исследовательских подходов и вниманию к методологии антиковедческих исследований⁵.

II

Прежде всего, нам представляется, что философское антиковедение междисциплинарно, а значит, в изучении платонизма не следует пренебрегать возможностью сопоставления археологических данных с письменными свидетельствами. Такая работа оказывается очень продуктивной и позволяет осветить многие темные моменты. В частности, изучение афинской агоры и других прилегающих к акрополю территорий подтверждает факт общения Сократа с «башмачником» (сведения о котором сохраняет Диоген Лаэртий), помогает увидеть, в каких домах и условиях жили Прокл и Дамаский и проникнуться мистическим духом поздней неоплатонической школы (Афонасина, Афонасин 2014; Афонасина 2019). Первые шаги в этом направлении предприняли европейские исследователи (такие как организаторы раскопок на Афинской агоре), нам же удалось не только представить этот материал на русском языке, но и сделать из него дальнейшие выводы о роли и месте философского знания в афинском обществе V–VI веков н.э. Письменные свидетельства будто оживают на наших глазах, когда, с одной стороны, описание Марина помогает археологам идентифицировать местоположение дома Прокла, а с другой стороны, найденные на месте раскопок предметы проясняют

⁴ Также сделан ряд переводов значимых работ современных авторов (Рист 2005, Диллон 2002, Диллон 2005).

⁵ См. полную аннотированную библиографию: Афонасин, Вольф 2021.

картину глубокой религиозной жизни его обитателей. И уже из всего вместе взятого делается вывод о назначении разных комнат, статусе дома и, вслед за этим, о ценности философских занятий в Афинах того периода. Остатки построек в Академии Платона также неплохо изучены. У нас имеется свидетельство Диогена Лаэртия (DL 4.19), упоминающее о постройках внутри рощи Академа, однако его прочтение оставляет много нерешенных вопросов, ответить на которые помогают археологические данные. Открытым оставался вопрос о том, жил ли сам Платон в том же месте, где и учил, и где жили его ученики и наследники. Ведь начиная с определенного момента это место становится не просто рощей, а местом обитания философов. Сегодня остатки построек представляют собой лишь очертания фундаментов, некоторые из которых сохранились не полностью. И тем не менее можно ясно выявить их размеры и расположение относительно друг друга, что позволяет с большой точностью утверждать и даже определять конкретное место, где мог жить и учить Платон, где могла располагаться библиотека и где жили его ученики. Открыв карту Афин классического периода, можно мысленно совершить прогулку от центра города к окраинам, за городскую стену, где и располагалась Академия. Сам выбор ее местоположения, возможно, также приоткрывает завесу общественных отношений и показывает желание философов уединиться вдали от города, создав оазис с атмосферой для свободного интеллектуального творчества.

Другой подход в изучении платонизма связан с изучением той религиозной среды, в которой происходило переосмысление религиозного поведения и формирование нового. Чтобы понять, на каком основании Платон критикует современные ему религиозные повествования и обычаи и почему предлагает их реформировать, эти обычаи нужно тщательно изучить. Это сама по себе непростая задача, ведь греческая религия классического периода не была одним целостным явлением, но включала в себя как поклонение отдельным богам, почитавшимся с особым вниманием в той или иной местности, так и общепризнанные культовые цен-

тры, такие как святилища Аполлона в Дельфах или на острове Делос, паломничество в которые носило общегосударственный характер. А кроме того, в ней присутствовало отчетливое деление на сельские и городские праздники. Во всем этом разнообразии нужно суметь выделить ключевые аспекты религиозного поведения, чтобы понять причину недовольства со стороны Платона. Такая работа также была проделана (Афонасина 2020а), но ей еще далеко до завершения.

Далее, мы видим, что платоноведение не сводится к изучению великих диалогов Платона, а также трудов Плотина и неоплатоников. Многое проясняет изучение «внутренней истории» платонической традиции от древней Академии до позднеантичного неоплатонизма. Основная сложность здесь — плохая сохранность источников, а иногда и почти полное их отсутствие. В ряде случаев (например, в связи с историей скептической Академии или римского неопифагореизма) мы вынуждены смириться с тем, что многие аспекты этой истории ускользают от нас. Фрагментированные тексты нуждаются в разработке особого методологического подхода, особенности которого в последнее время широко обсуждаются — см., например, коллективный труд под редакцией Глена Моста (Most 1997). В целом исследование философской биографии в настоящее время существенно актуализировалось благодаря усилиям международной группы исследователей, предпринявших попытку продолжить классическое собрание фрагментов древнегреческих историков Феликса Якоби. Намечена целая программа реализации четвертого тома этого собрания, которая должна включать в себя шесть больших полутомов, касающихся самых разных аспектов античной культуры, политики, религии, литературы, музыки и т.д. (Bollansée et al. 1998: x). Естественно, что первым и пока единственным опубликованным полутомом стал монументальный труд, посвященный античной биографии доэллинистического периода. Разумеется, существенный вклад в проблематику вносят и другие группы исследователей, в частности Тициано Доранди, подготовивший новые изда-

ния биографических сочинений Диогена Лаэртия, Филодема и др. (Dorandi 1991, Dorandi 2013). Нам удалось внести определенный вклад в это направление исследований, прежде всего в отношении истории среднего платонизма, а также того, что Джон Диллон некогда удачно назвал «подводными течениями в среднем платонизме» (Диллон 2002 и Диллон 2005). К этим последним относятся, например, такие явления, как неопифагореизм, гностицизм, герметизм, эзотерическое христианство и т.д. Мы специально исследовали раннеримские представления о пифагорейской школе (Afonasin, Dillon, Finamore 2009, Afonasin 2016), подготовили комментированный перевод фрагментов неопифагорейца Нумения и, в целом, изучили пифагорейскую традицию в самых разнообразных ее аспектах (Афонасин, Афонасина, Щетников 2014). В этом же контексте следует упомянуть и изучение некоторых малоизученных аспектов философии неоплатоника Ямвлиха — прежде всего, его учения о душе и политической философии. Дело в данном случае осложняется тем, что до нас дошли лишь фрагменты его «Писем» (Афонасин 2010). Однако эти реконструкции, основанные на тех крупницах знаний о платонических школах, которые удастся извлечь из вторичной литературы в основном позднеримского периода, меркнут перед рядом замечательных сочинений собственно биографического жанра, специально посвященных платонической традиции. Прежде всего это относится к трактату Филодема, сохранившемуся в составе папируса из Геркуланума. Работа по реконструкции и изданию этого папируса, сделанная в недавнее время Т. Доранди (Dorandi 1991, см. также Kalligas, Tsouna 2020), позволяет теперь проследить историю Академии со времен ее основания. Этот уникальный источник содержит важные биографические подробности, позволяющие лучше понять образ жизни наследников Платона Спевсиппа, Ксенократа, Полемона, Кратета и Крантора, чья активность приходится на период с 347 по 274 гг. до н.э. В нем раскрываются уникальные аспекты функционирования Новой (скептической) Академии от Аркесилая из Питаны до Филона из Ларисы

(ок. 268/64 – ок. 88 гг. до н. э.). Текст завершается важной биографией Антиоха Аскалонского (268–84 до н.э.)⁶. Нам показалось необходимым представить этот величественный документ на суд отечественного читателя (Афонасин 2020а, 2021). Спустя много веков после Филодема один из последних платоников, глава Афинской Академии Дамаский, задумал не менее фундаментальный труд, призванный описать историю александрийского и афинского неоплатонизма. Его сочинение, к сожалению дошедшее до нас фрагментарно, не только подробно рассказывает о философской школе Прокла, о чем мы, в принципе, знаем из сочинения его биографа Марина, но и содержит многочисленные уникальные детали о жизни и философии обожаемого учителя самого Дамаския Исидора, жизненный путь которого представлен как восхождение по пути неоплатонического совершенствования, а также самых разнообразных фигур, украсивших афинскую интеллектуальную сцену, от софиста Лахариса и его последователей Супериана и Митрофана, противоречивой фигуры «кинника» Салюстия, который пытался отвратить молодежь от философии, убеждая их в том, что философствование невозможно для человека, и до преемника Прокла — строгого и старательного Марина. Другая часть сочинения Дамаския посвящена истории александрийской философии, и сведения, которые он приводит в ней, по большей части уникальны. Перед нами проходит череда мыслителей и ученых, украсивших александрийскую философскую сцену пятого века н.э., таких как Теон и его дочь Гипатия, Гиерокл, Гермий и его сын Аммоний (фр. 57), а также менее значительные фигуры, такие как ученик Гиерокла Теосебий, грамматик Аммониан, преподаватель искусства красноречия Теон (фр. 49), друг Гермия Эгипт (фр. 54), его второй сын Гелиодор (фр. 57), современник Аммония философ Гиеракс (фр. 57–58) и Эдесия, жена Гермия, которую Дамаский застал в живых в годы своей молодости и к которой отно-

⁶ Другое значимое биографическое направление связано с перипатетической традицией (Аристоксен, Дикеарх). Из недавних работ см. Афонасин 2017, Гараджа 2019.

силса с огромным уважением. Так много имен и так мало знания о том, какой образ жизни вели эти философы и чему учили! Внимательное чтение Дамаския позволяет нам понять это хотя бы отчасти (Афонасин 2019 и 2020b). Представляется, что исследование философской биографии весьма продуктивно для понимания истории античного платонизма на всех этапах его развития и обладает немалым потенциалом.

Понятно, что некоторые античные авторы не выходят за рамки сугубо антикварного интереса к ним историков античности. Однако философия Платона может получить современное звучание благодаря апроприационистскому и аналитическому подходу. Однажды сформулированная Уайтхедом и давно клишированная фраза, что вся западная философия — это комментарий к Платону, в случае именно этих подходов оказывается вполне справедливой.

Аналитический подход к изучению античного наследия на первый взгляд может озадачить, поскольку аналитическая философия в ее классическом варианте слабо комплементарна гуманитарным наукам и ассоциируется с аисторичностью, пресной стилистикой и приверженностью к техничным и изоциренным логическим построениям. Однако в случае с аналитической историей философии речь идет скорее о применении постаналитических принципов, в которых аисторичность замещается безразличным отношением к историческому контексту, техничный язык логических формул уступает место точности воспроизведения аргументации, а задачи интерпретатора состоят не в том, чтобы показать, как «на самом деле» думал или считал философ, а в том, чтобы погрузить его в современный актуальный философский дискурс, фактически «апроприируя» его положения для решения текущих философских задач, и при этом сам интерпретатор должен хорошо осознавать свои эпистемические основания, от которых будет существенно зависеть конечная интерпретация. Все эти принципы активно применяются в новосибирском антиковедении и для изучения наследия Платона, в первую очередь его

эпистемологии, интерес к которой в целом также является характерной чертой аналитического подхода.

Эпистемология Платона в последние десятилетия стала крайне актуальной темой в платоноведении (Gerson 2009 и др.). В нашем подходе базовой предпосылкой для конструирования платоновской эпистемологии представляется парадокс Менона (*Menno* 80d–81a), который, с одной стороны, накладывает определенные ограничения на поиск нового знания, а с другой — задает условия для их преодоления (Вольф 2011b, Вольф 2013, Берестов 2017). В качестве самых действенных способов преодоления парадокса у самого Платона можно принять эленктический и гипотетический методы, которые являются способами осуществления эпистемического поиска. Оба метода, разумеется, обсуждаются платоноведами давно и продуктивно, однако особенностью нашего подхода к ним является то, что они ставятся в контекст предшествующей, досократической традиции с целью установления истоков их формирования. Можно сказать, что наш подход резонирует с работами Гейл Файн (Fine 2014, Fine 2021), также посвященных эпистемологии, эпистемическому поиску и много внимания уделяющих анализу парадокса, и можно сказать, что подходы к эпистемическому поиску и у Файн, и в нашем случае моделируются одинаково, с той только разницей, что та применяет свой анализ парадокса, чтобы понять, какое применение или решение он находит в последующей традиции (Аристотель, эллинизм), а мы фокусируем внимание на парадоксе у предшественников Платона. В этом смысле мы охотно принимаем характеристику Платона у Патриши Керд (Curd 1998: 228) как «последнего досократика» и несмотря на ее шокирующее звучание показываем, насколько близок по духу Платон досократическим принципам исследования и постановке проблем и в какой мере он развивает свои положения в дискуссии с ними (Вольф 2020, Берестов 2020, Берестов 2021).

В частности, что касается гипотетического метода, диалог «Парменид» обычно исключался из «стандартного набора» диалогов, в которых Платон использует метод гипотез, однако по

своему характеру и по поисковым задачам указанные методы («правильный» метод гипотез, устанавливающий высшую гипотезу, и тот, который мы видим в «Пармениде», от посылок к следствию) невероятно близки, что не признавал, к примеру, Р. Робинсон (Robinson 1953). Если же признать Парменида Элейца прямым прототипом платоновского Парменида и переложить принципы гипотетического метода в одноименном диалоге на доказательство у Парменида Элейца, то видно, насколько оба метода (исторического Парменида и Платона) совпадают, что позволяет прояснить вопрос о происхождении гипотетического метода в одноименном диалоге и его трансформации в «непарменидовских» диалогах уже в связи с собственными задачами Платона (Вольф 2020а, Вольф 2020б). Что касается эленктического метода, то в качестве его составляющих анализируются зететическая и катартическая апории и эупория, первые подходы к использованию которых могут быть реконструированы у Гераклита (Вольф 2011б).

Еще одна проблема, укорененная в парадоксе Менона, благодаря которой вообще становится возможным сформулировать этот парадокс, — это проблема части и целого. Понимание целого для античности и особенно платонизма — ключевой вопрос. В нашем случае мы видим решение этого вопроса через так называемое холистическое допущение (целое и все его конститuentы образуют холистическую систему, в которой конститuentы определяются друг через друга). Платон часто использует его для анализа познания сложных (целых) объектов, и насколько его версии допущения удачны, показано также на примере соотнесения этих вопросов с его предшественниками — элеатами и софистами (Берестов 2016).

Поиск доброжелательных интерпретаций — еще одна особенность аналитического подхода. Именно аналитики стали использовать «принцип благотворительности» (*charity principle*) для интерпретации философских и других концепций. Он предполагает, что если какой-либо текст непонятен, выглядит смутным или противоречивым, то не следует признавать его слабым, а его автора обвинять в том, что тот путался или заблуждался, не знал

логики, или приписывать ему иррациональный ход мысли. Нужно сформулировать такую максимально сильную интерпретацию рассуждений автора, которая позволяет представить аргументы философа в наиболее рациональном и выгодном свете, исходя из предпосылки, что если философ (по умолчанию будучи рациональным субъектом) рассуждал именно таким образом, то у него были достаточные основания делать именно так, а задача интерпретатора заключается в том, чтобы реконструировать эти основания. Примером таких работ о Платоне могут служить Берестов 2014 и Берестов 2017.

Помимо этого, аналитический подход важное место отводит математике Платона и философии математики в связи с платонизмом. В этом вопросе новосибирские антиковеды много усилий направили на переводы и исследования как математических разделов в текстах Платона (Щетников 2009, Щетников 2011), исследование математического платонизма (Целищев 2014), так и на переводы современных аналитических исследований, которые касаются платонизма в математике. Эти исследования как нельзя лучше отражают апроприационистский подход — от исторического Платона в них остается крайне мало, зато много современной изоэтренной математики и философии математики, которая, однако, не состоялась бы без великого афинского философа, и, как пишет Ян Хакинг, «философствование о математике одержимо платонизмом» (Хакинг 2020: 257). Из недавних публикаций следует отметить две важные монографии по аналитической философии, философии математики и в целом по современному прочтению платонизма как одной из форм реализма, обе в переводе В. В. Целищева: «Почему вообще существует философия математики?» (Хакинг 2020) и «Призрак Платона: модернистская трансформация математики» (Грей 2021).

Платоноведение традиционно было и остается сильным направлением отечественных историко-философских исследований. Хочется надеяться, что в ближайшем будущем продолжит успешно развиваться новый переводческий проект Платоновско-

го философского общества (ПФО) и появятся интересные и разнообразные работы, посвященные великой философской традиции, частью которой все мы являемся.

Литература

- Афонасин, Е.В.; Афонасина, А.С.; Щетников, А.И. (2014), *Пифагорейская традиция*. СПб.: Издательство РХГА.
- Афонасин, Е.В. (2009), “Нужны ли современному студенту «Декады» Тита Ливия”, *Наука в Сибири*. 25.10.2009. URL: <https://www.sbras.info/articles/opinion/nuzhny-li-sovremennomu-studentu-dekady-tita-liviya>
- Афонасин, Е.В. (2010), “Ямвлих Халкидский. Письма: предисловие, перевод, комментарии, приложения, указатели”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 4.1: 166–193.
- Афонасин, Е.В. (2017), “Лекарство для припоминания. Перипатетическое конструирование интеллектуальной истории Греции. Дикеарх и философская биография”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 11.1: 271–282.
- Афонасин, Е.В. (2019), “Идеальный наставник в «Философской истории» Дамаския”, *Платоновские исследования* 10.1: 172–196.
- Афонасин, Е.В. (2020a), “Платон и Академия («История академических философов» Филодема)”, *Respublica Literaria* 1.1: 7–24.
- Афонасин, Е.В. (2020b), “Дамаский в Афинах: избранные фрагменты его «Философской истории»”, *Платоновские исследования* 13.2: 285–317.
- Афонасин, Е.В. (2021), “Филодем о Древней Академии («История академических философов», col. V–XVI)”, *Respublica Literaria* 2.1: 14–27.
- Афонасин, Е.В.; Вольф, М.Н. (2021), *Философское антиковедение в Новосибирском научном центре. Аннотированная библиография 1984–2021*. Новосибирск: Центр изучения древней философии и классической традиции НГУ.
- Афонасина, А.С. (2020), “Идеальная религия для идеального государства”, *Идеи и идеалы* 12.4.2: 330–350.
- Афонасина, А.С.; Афонасин, Е.В. (2009), “Нумений из Апамеи. Фрагменты и свидетельства”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 3.1: 213–278.
- Афонасина, А.С. (2019), “Место философской школы в античном городе: Академия Платона и Дом Прокла в Афинах”, *ПРАΞΗΜΑ (Praxēma)* 21: 27–42.

- Берестов, И.В. (2014), “Бесконечный регресс как следствие холистического понимания целого у Зенона Элейского и в «Пармениде» Платона”, *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина* 2.4: 7–20.
- Берестов, И.В. (2016), “Разновидности холистического допущения у Протагора, Горгия и Платона”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 17.4: 95–106.
- Берестов, И.В. (2017), “Почему парадокс Менона более упорен, чем это предполагает решение Аристотеля?”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 11.2: 505–514.
- Берестов, И.В. (2020), “Связь аргумента Зенона Элейского из 29b3 DK с современной семантикой и платоновским peritrope”, *Вестник Томского государственного университета* 453: 54–63.
- Берестов, И.В. (2021), “Анализ критики Платоном и Аристотелем парменидовского единства сущего”, *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 61: 87–96.
- Берестов, И.В.; Горан, В.П. (2007), “Историко-философские исследования в Новосибирском научном центре СО РАН”, *Гуманитарные науки в Сибири* 1: 11–14.
- Вольф, М.Н. (2011а), “«Исследование» и «открытие» у Гераклита: рождение философского метода”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 5.1: 53–73.
- Вольф, М.Н. (2011b), “Эпистемический поиск в диалоге Платона «Менон»”, *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 4.16: 146–159.
- Вольф, М.Н. (2013), “«Менон» и парадокс поиска: интерпретации метода познания”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 14.3: 53–60.
- Вольф, М.Н. (2014), “Тезис Горгия «Не-сущее существует» и свидетельства о нем у Платона”, *Платоновский сборник. Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии* 1.243–265.
- Вольф, М.Н. (2020а), “Гипотетический метод Платона: стоит ли возобновлять дискуссию?”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 14.1: 246–256.
- Вольф, М.Н. (2020b), “Метод гипотез и обоснование знаков сущего у Парменида”, *Платоновские исследования* 12.1: 45–67.
- Гараджа, А. (2019), “Аристоксен Тарентский о Сократе и Платоне”, *Платоновские исследования* 10.1: 197–208.
- Грей, Дж. (2021), *Призрак Платона: модернистская трансформация математики*. Пер. В.В. Целищева. М.: Канон + РООИ «Реабилитация».
- Диллон, Дж. (2002), *Средние платоники*. Пер. Е.В. Афонасина. СПб.: Издательство Олега Абышко; Алетейя.

- Диллон, Дж. (2005), *Наследники Платона*. Пер. Е.В. Афонасина. СПб.: Издательство СПбГУ.
- Мочалова, И.Н. (2016), “Неписаная философия Платона как проблема современного платоноведения”, *Платоновские исследования* 5: 104–119.
- Протопопова, И.А. (2014), “«Умопостигаемый атом» Платона”, *Вопросы философии* 8: 138–144.
- Протопопова, И.А. (2012), “Прыгающий лебедь: о драматическом подходе к диалогам Платона”, *Логос* 90.6: 85–100.
- Протопопова, И.А., пер. (2019), *Платон. Софист*. СПб.: ПФО.
- Рист, Д.М. (2005), *Плотин: путь к реальности*. Пер. Е.В. Афонасина, И.В. Берестова. СПб.: Издательство Олега Абышко.
- Светлов, Р.В., пер. (2019), *Платон. Политик*. СПб.: ПФО.
- Светлов, Р.В.; Протопопова, И.А. (2020), “Исследование платоновского наследия в России: история, современность, перспективы”, *Платоновские исследования* 13.2: 11–55.
- Хакинг, Я. (2020), *Почему вообще существует философия математики?* Пер. В.В. Целищева. М.: Канон + РООИ «Реабилитация».
- Целищев, В.В. (2014), “Математический платонизм”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 8.2: 492–504.
- Шичалин, Ю.А. (2000), *История античного платонизма в институциональном аспекте*. М.: Греко-латинский кабинет.
- Шичалин, Ю.А., пер. (2017), *Платон. Парменид*. СПб.: ПФО; Издательство РХГА.
- Щетников, А.И. (2009), “Число в «Филебе» Платона”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 3.2: 450–465.
- Щетников, А.И. (2011), “Платон. Диалоги о математике. Фрагменты (Введение: «Диалоги Платона как источник истории ранней греческой математики»)”, in А.П. Огурцов (ред.), *Платон-математик*, 11–132. М.: Голос.
- Afonasina, A.; Afonasin, E. (2014), “The Houses of Philosophical Schools in Athens”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 8.1: 9–23.
- Afonasin, E.V. (2010), “Iamblichus of Chalcis. The Letters”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 4.1: 166–193. (In Russian.)
- Afonasin, E.V. (2016), “Pythagorean Numerology and Diophantus’ *Arithmetica*: A Note on Hippolytus’ *Elenchos* 1 2)”, in A.-B. Renger, A. Stavru (eds.), *Pythagorean Knowledge from the Ancient to the Modern World*, 347–360. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Afonasin, E.V. (2017), “The Relicts of the Past. The Peripatetic Construction

- of the Intellectual History of Greece”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 11.1: 271–282. (In Russian.)
- Afonasin E.; Dillon J.; Finamore, J., eds. (2012), *Iamblichus and the Foundations of Late Platonism*. Leiden; Boston: Leiden.
- Berestov, I.V. (2017), “Why Meno’s Paradox is More Stubborn than Aristotle’s Solution Suggests?”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 11.2: 505–514. (In Russian.)
- Bollansée, J.; Engels, J.; Schepens, G.; Theys, E., eds. (1998), *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Part Four: *Biography and Antiquarian Literature*. IV A: *Biography*. Fasc. 1: *The Pre-Hellenistic Period*. Leiden et al.: Brill.
- Curd, P. (1998), *The Legacy of Parmenides: Eleatic Monism and Later Presocratic Thought*. Princeton University Press.
- Dillon, J. (1996²), *The Middle Platonists*. Cornell University Press.
- Dillon, J. (2003), *The Heirs of Plato: A Study of the Old Academy (347–274 BC)*. Oxford: Clarendon Press.
- Dorandi, T., ed. (1991), *Filodemo. Storia dei filosofi: Platone e l’Academia*. Napoli: Bibliopolis.
- Dorandi, T., ed. (2013), *Diogenes Laertius. Lives of Eminent Philosophers*. Cambridge University Press.
- Fine, G. (2014), *Possibility of Inquiry: Meno’s Paradox from Socrates to Sextus*. Oxford University Press.
- Fine, G. (2021), *Essays in Ancient Epistemology*. Oxford University Press.
- Garadja, A., tr. (2019a), “Aristoxenus of Tarentum on Socrates and Plato”, *Platonic Investigations* 10.1: 197–208. (In Russian.)
- Gerson, L.P. (2009), *Ancient Epistemology*. Cambridge University Press.
- Kalligas, P.; Tsouna, V., eds. (2020), “Philodemus’ *History of Philosophers: Plato and the Academy* (PHerc. 1021 and 164)”, in P. Kalligas, Ch. Balla, E. Baziotopoulou-Valavani, V. Karasmanis (eds.), *Plato’s Academy. Its Working and Its History*, 276–383. Cambridge University Press.
- Most, G.W., ed. (1996), *Collecting Fragments. Fragmente sammeln*. Göttingen; Vandenhoeck & Ruprecht.
- Protopopova, I. (2012b), “The Jumping Swan: On the Dramatic Approach to Plato’s Dialogues”, *Logos* 90.6: 85–100. (In Russian.)
- Protopopova, I. (2014), “Plato’s ‘Intelligible Atom’”, *Voprosy filosofii* 8: 138–144. (In Russian.)
- Robinson, R. (1953²), *Plato’s Earlier Dialectic*. Oxford: Clarendon Press.
- Svetlov, R.V.; Protopopova, I.A. (2020), “An Overview of Plato’s Legacy in Russia: Past, Present, and Prospects”, *Platonic investigations* 13.2: 11–55. (In Russian.)
- Volf, M.N. (2011a), “The Birth of Philosophical Method: ‘Inquiry’ and ‘Discovery’ in Heraclitus”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 5.1: 53–73. (In Russian.)